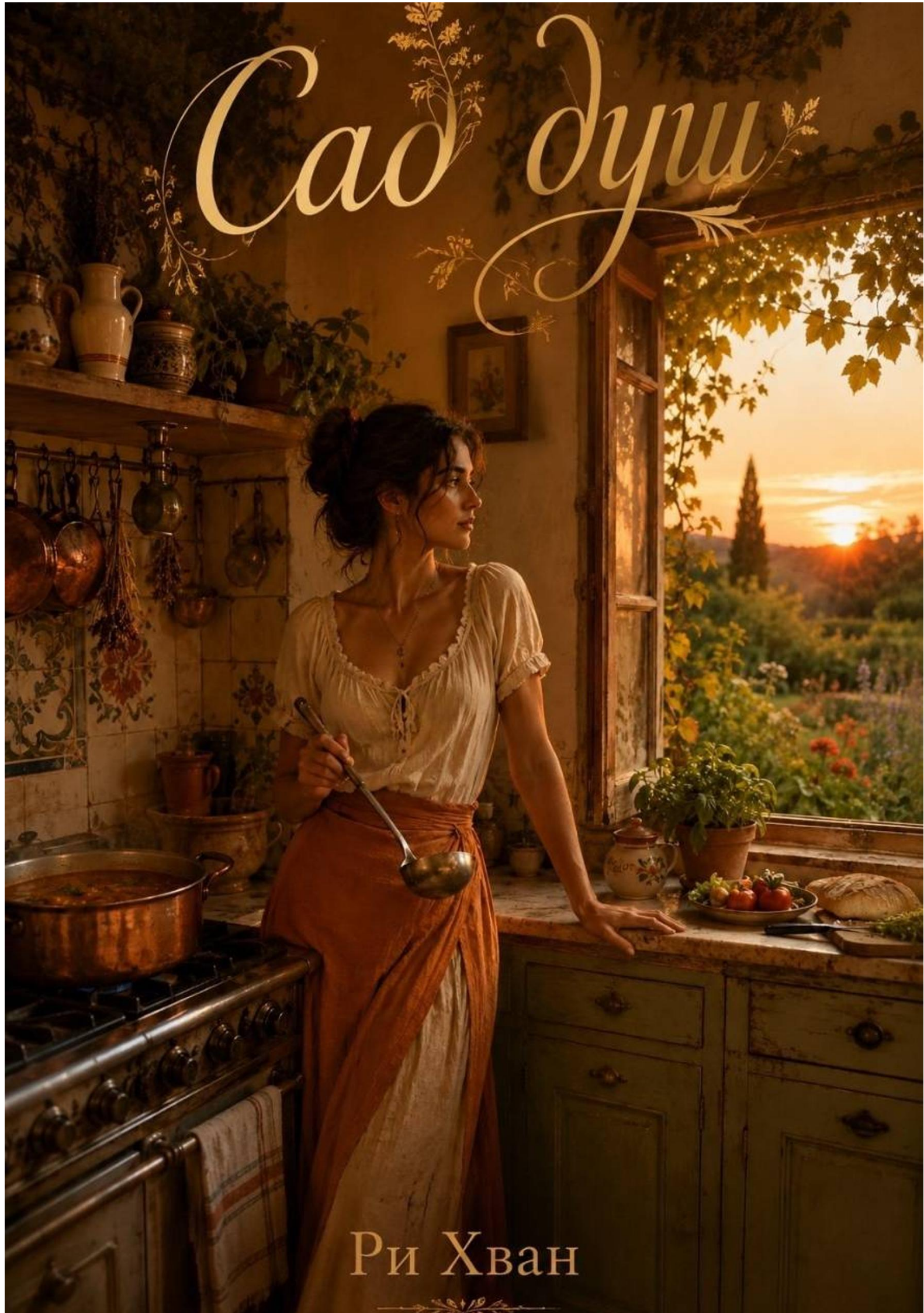

Саодуш

Ри Хван

Ри Хван

III - Сад душ

«Автор»

2026

Хван Р.

III - Сад душ / Р. Хван — «Автор», 2026

Беатриче Россо, блестящий шеф-повар, потерявший вкус к жизни и к еде, приезжает в захолустную тосканскую деревню, чтобы продать доставшийся в наследство дом и сад. Она планирует быстро получить деньги и сбежать обратно в Милан, подальше от пыли, воспоминаний и странного садовника по имени Марко. Но сад, посаженный её бабушкой, оказывается не просто участком земли. С наступлением темноты мята начинает светиться зелёным светом, а лаванда шепчет на ветру. В заброшенном саду живут не просто растения — здесь обитают три духа: своенравная Минти, спокойная Лави и дерзкая Роза. Они называют Беатриче «мамой» и требуют не денег, а заботы, времени и памяти. Чтобы остаться и открыть своё кафе «Il Giardino», Беатриче придётся не просто освоить бабушкины рецепты, но и научиться слушать то, что говорят корни. Ей предстоит противостоять корпорации, которая хочет вырубить сад под фастфуд, и помочь старику, забывшему имя любимой жены, и мальчику-сироте, который ищет свой дом.

© Хван Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ри Хван

III - Сад душ

Пролог

Лаванда темнела первой — с сиреневого на свинцовый, будто впитывала сумерки через края лепестков, и этот переход от света к тени занимал так много времени, что Элеонора успела выпить полкружки ромашкового чая, прежде чем заметила, как розы начали закрываться. Они делали это нехотя, медленно складывая лепестки, и в этом упрямстве было что-то знакомое, почти человеческое.

Она сидела на крыльце в старом плетёном кресле, которое помнило её мать, и смотрела, как мята начинает светиться: сначала слабо, у самой земли, будто кто-то зажигал крошечные зелёные лампочки под корнями, а потом ярче, так что каждый лист наливался изнутри мерцающим огнём. Она видела это свечение сотни раз, но всё равно каждый раз думала: вот бы Беатриче это увидела. А потом она одёргивала себя, потому что жалость к себе была роскошью, которую она не могла себе позволить уже лет десять, с тех пор как сердце начало шалить, и доктор сказал «меньше соли и меньше переживаний».

Она поставила кружку на перила крыльца, и донышко глухо стукнуло о дерево — звук получился такой, будто кто-то негромко хлопнул в ладоши. Пальцы её гладили шершавую керамику, хотя кружка уже давно остыла и ромашка внутри стала горькой и тёплой.

— Ты слишком стара для обид, — сказала она себе вслух и услышала, как голос прозвучал глухо, съеденный цикадами, которые стрекотали так, будто хотели разорвать вечер на куски.

Воздух ещё хранил тепло дня — тяжёлое, замешанное на пыли и оливковом масле дыхание земли, и когда Элеонора закрыла глаза, она почувствовала, как от роз тянет мёдом и чем-то горьким, напоминающим кору и старые письма, а из лавандового поля доносился сладкий, чуть приторный запах, от которого всегда хотелось спать. Мята пахла остро, почти агрессивно — так пахнут воспоминания, когда они лезут без спроса, и этот запах щипал ноздри, заставляя чихать.

Она уже собралась встать, оперлась руками о колени, готовясь поднять тяжесть своего семидесятирёхлетнего тела, когда калитка издала звук, похожий на всхлип — старая петля, которую Марко обещал смазать уже месяц назад, застонала так жалобно, будто её ударили. Элеонора замерла с полусогнутой спиной и повернула голову. В проёме калитки стоял Альдо, и она узнала его не сразу — он похудел, сгорбился, и в сумерках его силуэт казался кучей тряпья, повешенной на колышек для огорода. Но походку она помнила: перекат с пятки на носок, как у человека, который всю жизнь ходит по гравию без тапочек. Сейчас он стоял на одной ноге, потому что туфля на левой болталась на шнурке, волочась по земле, и при каждом его неловком движении эта туфля издавала шаркающий звук, будто кто-то тёр наждачной бумагой.

— Где Джульетта? — спросил он, и голос у него был сорванный, будто он кричал до этого долго, а потом сорвал связки и теперь говорил одним горлом, без помощи голосовых складок.

Он не смотрел на Элеонору, когда задавал этот вопрос — его взгляд уходил куда-то вбок, на розовый куст, который рос у самой калитки, и он водил пальцем по косяку, оставляя на старой краске грязный след.

Элеонора медленно выпрямилась, и её колени хрустнули — она поморщилась от этого звука, но ничего не сказала, только поправила кофту на плечах, одёрнула её, чтобы не висела мешком, и провела ладонью по волосам, собирая их в хвост. Она спустилась по ступеням, держась за перила, потому что правая нога иногда подкашивалась, и каждый шаг отдавался в пояснице.

— Где площадь? — спросил Альдо уже громче, и он дёрнул головой так резко, что седые волосы упали ему на лоб, — Мы договорились встретиться у фонтана, она сказала, будет в красном.

Его взгляд на секунду коснулся лица Элеоноры и сразу ушёл в сторону, будто он боялся задержаться на ней. Женщина подошла к нему вплотную и взяла его под локоть — осторожно, но твёрдо, чтобы он чувствовал, что его держат, но не боялся, что его схватили. Кость под тонкой кожей казалась птичьей, и она слегка сжала пальцы, давая ему понять, что она здесь и что он не один.

— Альдо, ты опять заблудился, — сказала она, и в её голосе не было ни жалости, ни укора — только констатация факта, такая же спокойная, как если бы она сказала «сегодня вторник».

Он отдёрнул руку, шагнул назад, прикрывая лицо рукавом разорванной куртки — рукав висел на одной нитке, и когда Альдо поднял его, стала видна бледная кожа предплечья с синяками и царапинами. Его дыхание участилось, и он часто заморгал, будто пытался прогнать соринку.

— Кто вы? — спросил он, и в этом вопросе прорезалось то детское, беспомощное, когда человек не понимает, можно ли доверять, и мечется между страхом и надеждой.

Элеонора не двинулась с места. Она убрала руки за спину, сложила их в замок, показывая, что она не тянется к нему, не хочет схватить или удержать силой. Она смотрела ему прямо в глаза и ждала, пока его дыхание успокоится.

— Я та, у кого в саду растёт мята, — сказала она, и её голос был таким же спокойным, как если бы она представилась на воскресной мессе.

Альдо опустил рукав, и его лицо медленно, будто с трудом, повернулось к ней. Он посмотрел на неё — впервые за весь разговор прямо, в глаза, и в этом взгляде не было безумия, только усталость и какая-то детская благодарность, которая не умеет выразить себя словами.

— Тогда я пойду с вами, — сказал он тихо, почти шёпотом, и в его голосе не было вопроса — только согласие, только принятие того, что эта женщина с сухими руками и спокойным голосом знает что-то, чего он не знает, и он готов за ней идти, потому что больше некуда.

Внутри Элеоноры кольнуло. То самое чувство, когда человек настолько доверяет тебе, что ты начинаешь бояться этого доверия, потому что ты не святая, не доктор, не священник, ты просто бабка, которая пьёт ромашковый чай и смотрит, как светятся кусты. Какое право она имеет вести за собой кого-то? Она не знала ответа, но она взяла Альдо за руку — не за локоть, а именно за руку, сцепив свои морщинистые пальцы с его грязными, тёплыми и липкими от пота. Он не сопротивлялся, только перебирал ногами, шаркая, и где-то по дороге к дому вторая туфля отвалилась совсем, но он даже не заметил.

На кухне пахло сушёным тимьяном и старым деревом — этот запах Элеонора знала с детства, потому что дом был построен ещё её дедом, и каждая доска помнила чьи-то шаги. Она зажгла лампу над столом — ту, с жёлтым абажуром, который когда-то смастерил Лоренцо, и свет упал на трещину в керамической кружке, ту самую, от которой Беатриче в детстве заплакала, думая, что кружка сломана навсегда. Элеонора тогда долго объясняла, что трещина — это не конец, а история, и что у каждой вещи, как у человека, есть право на шрамы. Альдо зажмурился от света, потом открыл глаза и медленно осмотрелся.

Элеонора пододвинула к нему табурет и коснулась пальцем сиденья, показывая, куда сесть.

— Садись, — сказала она, и он сел, сложив руки на коленях — послушно, как ребёнок в приёмной у врача, который не знает, зачем он здесь, но верит, что взрослые знают лучше.

— Я сейчас заварю чай, — сказала Элеонора, отвернувшись к плите и услышала, как он выдохнул с облегчением, будто это слово было ключом, который открывал дверь в безопасность.

Вода в чайнике уже остыла — она грела её с утра для себя, потом забыла, потому что пришла соседка и унесла полчаса разговорами о курах, потом выключила газ и оставила чайник остывать. Элеонора зажгла конфорку снова, подождала, пока на дне появятся мелкие пузырьки, а потом опустила палец в струю пара, когда вода закипела. Семьдесят градусов? Восемьдесят? Она проверяла тыльной стороной ладони, так же как её бабушка, и бабушка её бабушки — когда кожа терпит, но уже не обжигается, тогда в самый раз, и никакой градусник не нужен.

Из шкафчика над раковиной она достала банку с мятой, и когда открыла крышку, запах ударил в лицо — свежий, холодный, будто не июльский вечер на дворе, а мартовское утро, и этот запах заставил Элеонору чихнуть. Альдо повернул голову в её сторону — не резко, а медленно, с достоинством человека, который уже начал вспоминать, что такое внимание.

— Три листа, ты любишь три, помнишь? — сказала Элеонора вслух, отсчитывая листья пальцами, и она не ждала ответа, потому что знала, что он не помнит.

Она бросила листья в кружку, а потом замерла на секунду, потому что забыла спросить разрешения — старая привычка, которой её научил сад много лет назад, когда она впервые сорвала розу без спроса и поранилась так сильно, что шрам остался на всю жизнь. Она прикрыла глаза и мысленно попросила прощения у растения, и ей показалось, или листья в кружке дрогнули, чуть-чуть, как живые.

Мёд она достала из шкафчика над раковиной — янтарный, засахарившийся снизу, пахнувший акацией и концом мая, когда всё цветёт так густо, что воздух становится жёлтым. Она открыла крышку, понюхала, кивнула сама себе, положила одну ложку, чуть утрамбовала пальцем, залила водой. Пар поднялся к абажуру, и капли осели на жёлтом стекле, затуманив его на секунду.

— Держи, — сказала Элеонора и протянула кружку, второй рукой придерживая его ладонь снизу, потому что у Альдо дрожали руки, когда он брал что-то тяжёлое.

Он взял кружку обеими руками, и она заметила, какие у него грязные ногти — обломанные, с тёмной каймой, будто он что-то искал в земле или падал и хватался за корни. Он подул на чай, хотя пар уже почти не шёл, и сделал глоток. И замер.

Элеонора села напротив, подперла подбородок рукой и стала ждать. Она не отводила взгляда, следила за его лицом — за тем, как двигаются его глаза, как дышат ноздри, как подрагивают губы. Он пил медленно, и каждый глоток отделялся от следующего длинной паузой. Он облизнул губы, провёл пальцем по краю кружки, обвёл трещину, которая шла от доньшка почти до края. Потом поставил кружку на стол, и когда он её ставил, он совместил дно с нарисованным на клеёнке цветком, будто это было важно.

Его глаза всё ещё бегали по кухне — от лампы к окну, от окна к плите, от плиты к лицу Элеоноры, — но потом они остановились. Не сразу. Сначала моргнули раз, другой, потом зрачки расширились, сузились, снова расширились — как у человека, который выныривает из глубины и не понимает, где поверхность, а потом понимает, и это понимание приходит не с испугом, а с облегчением. Альдо опустил кружку, убрал руки на колени и выпрямил спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.